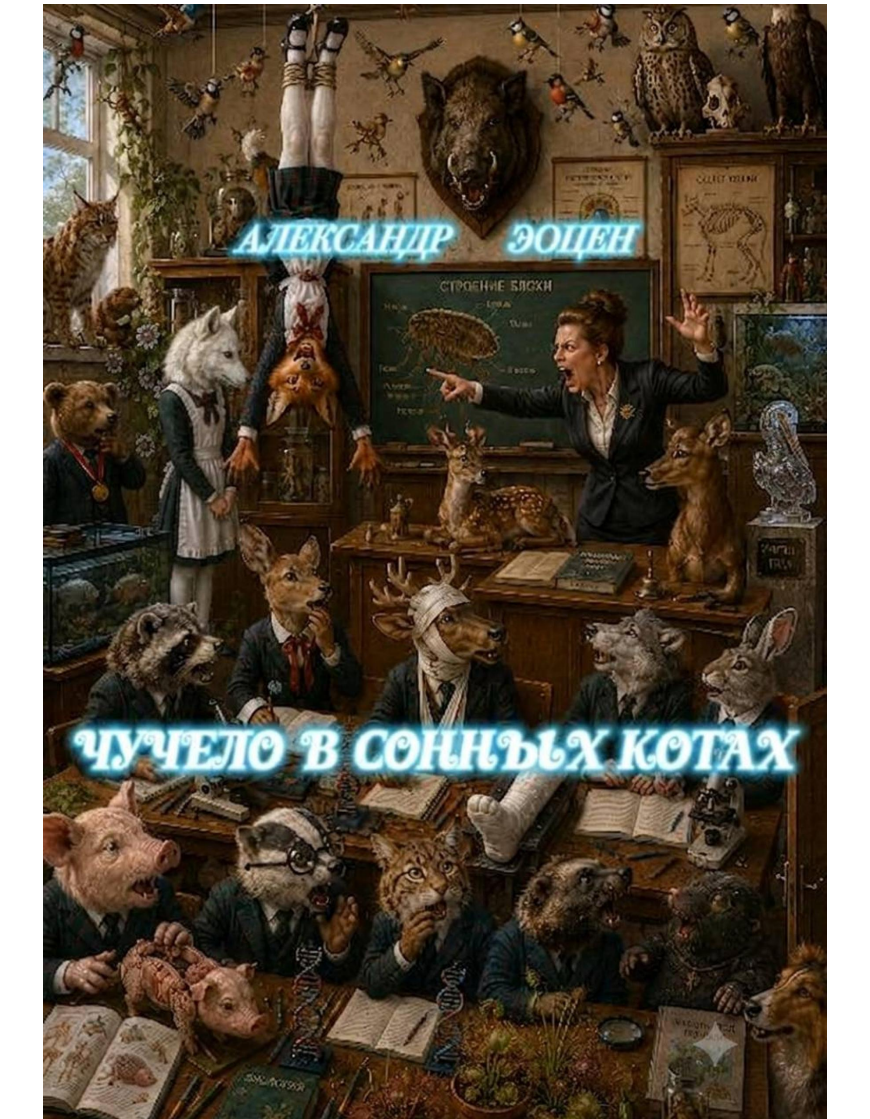

АЛЕКСАНДР ЭОЦЕН

ЧУЧЕЛО В СОННЫХ КОТАХ

Александр Эоцен

Чучело в Сонных Котах

<https://litres.ru/74202174>

SelfPub; 2026

Аннотация

В деревне Сонные Коты живёт фанатичная учительница биологии. Она охотится на животных и делает чучела для школьных экспонатов. И вот однажды в её капкан попадает отверженная несчастная волчица Грози. У Грози страшная судьба: она родилась с чудовищным уродством — без хвоста. Над волчицей все издеваются, ей всё время не везёт, в семье она изгой. Даже когда она влюбилась в рыжего добродушного пса Мираша, судьба наносит ей очередной страшный удар: её любимый заражается ужасной неизлечимой болезнью, а сама она попадает в смертельную ловушку странной учительницы. Книга интересна и для детей, и для взрослых.

Содержание

Зловещая ночь	4
В омут с головой	8
Таинственная болезнь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Эоцен

Чучело в Сонных Котах

Зловещая ночь

Странная гроза накрыла Салемгинскую гриву. Всю ночь изумрудные молнии ползали по хребту, сверкали, точно серебряное сияние, как будто что-то искали. Дождь крупными каплями бил о камни, а грома почти не было. Сполохи всё ближе и ближе подбирались к Маришкиному камню, огромному валуну, повисшему на скале над рекой Нюнельгой. Под камнем, трясаясь от страха, лежал сжавшийся в комок рыжий щенок. Он скулил и звал маму. Гроза словно услышала и взбесилась. Она свирепо швыряла молнии, и те с оглушительным громом разбивались возле щенка. Внезапно наступило затишье. Щенок чуть успокоился, как вдруг молния с чудовищной силой шарахнула прямо по камню. Валун раскололся со звуком выстрела, грузно осел и чуть не придавил щенка. Истошно взвизгнув, он успел выскочить.

Щенок мигом промок под проливным дождём. Он метался по краю пропасти, скулил и дрожал всем тельцем. С ужасом заглядывал вниз, где осклизлые камни вздымались из бурлящей реки. Ему казалось, что река забрала его маму. В бурном речном шуме он слышал её призывный лай и отча-

янный вой. Молния снова ударила совсем близко. Щенок в ужасе шарахнулся в сторону, оступился, заскользил на мокрой мшистой поверхности выступа и сорвался вниз в пропасть. И точно бы разбился об острые камни, но шквалистый ветер подхватил его и отбросил в бурлящий поток. Быстрое течение понесло щенка, и он, захлёбываясь, беспомощно и отчаянно барахтался в холодной воде.

В эту же страшную ночь волчица Слямза родила четырёх волчат. Обнюхала каждого, осмотрела, вылизала — да и обревелась вся. Такую промокшую и несчастную застал её Мурлат возле логова. Положил он аккуратно зайца к лапам волчицы, а она даже не взглянула, ещё больше слезами залилась. Мурлат растерялся, оробел до кончика хвоста, шерсть на загривке зашорохтела.

— Ты чего?.. Волчата как? — спросил он вмиг осипшим голосом.

— Родились... — всхлипнула Слямза.

— А чего ревёшь? Что-то не того?

— Нет... — пряча глаза, ответила волчица. — Я не знаю!..

Мурлат нахмурился. Помолчал чуть и говорит:

— Дай гляну.

— Не надо, Мурлат, потом... — затряслась Слямза.

— Когда «потом»? Отец я или кто?

Ну, Слямзе деваться некуда. Вздохнула она обречённо и отошла в сторонку.

— Только, Мурлат, не ругайся, пожалуйста, — умоляла

она. — Не виноватая я. Я не знаю, как это получилось.

В потёмках Мурлат не сразу заметил странность: ну, волчата и волчата, двое обычного окраса, один чёрный и один белый — ничего особенного, а потом пригляделся да так и похолодел от ужаса. Белый волчонок, он, как изгой, в сторонке, весь такой слабый, безжизненный, будто его сразу обижать стали. Но самое страшное — маленький совсем хвост, словно обрубок какой-то. В самый момент ещё и молния зловеще полыхнула. И гром так оглушил, что в голове хрустнуло и уши заложило.

— Это чего это? — оторопел Мурлат. — А хвост где?

— Не знаю! — простонала Слямза.

— Да уж, дождались... Пацан?

— Девочка.

— Дочка, значит... О-хо-хо... Ладно, не вой, придумаем что-нибудь.

— Может, ей молока не давать? Слабая какая — всё равно не выживет.

У Мурлата кровь в голову хлынула. Глаза чуть не лопнули от ярости.

— Ты что несёшь?! Спятила?! — взревел он. — И думать не смей! Всех корми! Матушка-природа послала — значит так надо.

В омут с головой

Под утро гроза укатила за ледники. Тихо стало, а в лучах восходящего солнца засверкало ясное бирюзовое небо. Никита и Сёма, парнишки двенадцати лет, на зорьке на рыбалку отправились. Придумали до Леонтьевской протоки махнуть. Дорога хоть и не близкая, зато место уловистое. Утро всего посидят, и у каждого полнёхонькое ведро окуней, лещей, сороги и другой рыбёхи наудачу.

И вот идут они по обрывистому берегу Нюнельги, весело разговаривают и смеются. Вдруг Никита резко остановился и прислушался.

— Сёма, слышишь? Скулит кто-то.

Сёма тоже замер.

— Ага, как щенок.

Кинулся Никита к обрыву, да тут же и замер в растерянности. К самому краю никак не подойти, опасно: берег высокий, до воды метра два, и подмыт сильно, наброво — трава вместе с дёрном чуть ли не на метр провисает. То и дело комки глины в воду бухают. Никита ползком к самому краю подобрался и вниз глянул. Поначалу даже разобрать ничего не смог. Столько река всякого дерева нагнала, ошметки коры и мусора, и всё это друг на дружке громоздится, пенится в водовороте. Но сам рыжий щенок увидел парнишку, заскулил, затыкал из последних силёнок: мол, здесь я, здесь!

— Чео там? — нетерпеливо спросил Сёма.

— Щенок на коряге сидит. Как он сюда попал?

— Топили, наверно. Что делать-то?

— Что, что... — Никита судорожно соображал. — Не знаю.

И в этот момент ветка талины, к которой прижимался щенок, вдруг отцепилась от разлатого корневища и поплыла вдоль берега. Метров через пятьдесят начиналась быстрина, а дальше и вовсе шумный перекат. Никита прямо оцепенел от ужаса, в ту же секунду скинул курточку и сиганул в ледяную воду. Как затмение на него нашло, будто рассудок из головы выпал. Отец с малолетства Никиту к плаванию приучил. Как лето, так он из воды не вылезает, хорошо плавает и за раками ныряет на глубину. Так это летом в жару, а тут в стылую весеннюю воду да в омут глубокий. Обожгло его холодом, аж дыхание перехватило, а от страха в глазах потемнело.

— Вот псих! — ахнул Сёма, а сам к берегу подойти боится. — Чео, сдурел?! Никитка, к берегу давай!

Никита догнал корягу, но так неловко впопыхах схватился за неё, что щенок не удержался и бултыхнулся в воду. Да ещё ветка крутнулась, перевернулась и накрыла щенка с головой. Парнишка с ужасом смотрел на мутную пенистую поверхность реки, и сердце его бешено колотилось. К счастью, щенок вынырнул, и Никита, отчаянно молотя руками и ногами, догнал его и прижал к себе. Холод совсем сковал всё

его тело. Из последних сил Никита доплыл до пологого берега, который начинался перед перекатом.

— Ну, ты даёшь! — завистливо сопел Сёма, помогая выбраться на берег. — Вода сильно холодная?

— Кипяток...

— А если б утонул, чтоб я делал?

Никита промолчал. Он передал щенка Сёме и, кое-как двигая окоченевшими руками, накинул на себя курточку.

— А ничё, красивый щенок, — прищурился Сёма. — Жаль, мне мама не разрешит, а то бы я себе взял.

— Ещё чего, он мой! — встрепенулся Никита, забирая щенка. — Элька знаешь как обрадуется!

Щенок будто услышал, радостно заскулил и прижался к парнишке. Сам дрожит всем тельцем, тыкается мокрой мордахой. И Никита дрожит, зуб на зуб не попадает.

— Да ладно, дворняжка обыкновенная, — скривился Сёма.

— Сам ты обыкновенный, — отмахнулся Никита. — Это колли, кажется, только он ещё шерстью не оброс.

Потихоньку отогрелись на солнышке. Щенка покормили бутербродами с колбасой, и он совсем успокоился и уснул.

— Ты только никому не рассказывай, что я в речку прыгал, — попросил Никита. — Mamka сильно впечатлительная, да и отец по голове не погладит.

Сёма твёрдо пообещал, заверил клятвенно, а про себя уже знал, что точно пробулькнется.

Таинственная болезнь

К обеду Никита вернулся домой и застал маму в саду среди цветущих яблонь и груш. Щенок ей сразу понравился. Он уже высох, распушился и смотрел радостными, счастливыми глазами. Он как будто хитро улыбался, осклабив розовую пасть и вывалив алый язык.

— Красавец какой! — мама вертела щенка в руках, рассматривала. — Рыженький, остроносый, как лиса. Ты где его взял?

— Мам, я его спас, — с гордостью ответил Никита. — Он в речке тонул, а я его спас.

— Ты что, в речке плавал? — насторожилась мама. — Вода же холодная!

— Неа, у Сёмы сачок был. Я его сачком из реки достал.

— Молодец. А как он в реке оказался? Чей-то, наверно, потерялся.

— Нет, мам, это мой щенок. Я знаю, он мой. Там никого не было.

Мама покачала головой.

— Объявление всё равно надо дать, может, кто ищет.

Вдруг из окна детской спальни послышался плач. Мама и Никита испуганно переглянулись и кинулись в дом.

Эля, шестилетняя сестра Никиты, лежала на полу и плакала. Она пыталась встать, но ножки её не слушались. Мама

подбежала и подхватила дочку на руки.

— Солнышко, что случилось? Не ушиблась?

— Я хотела... ножки плохие... я упала.

— Доченька моя! Что с ножками? Пошевели ножками.

Можешь согнуть?

Эля перестала плакать и потянулась к щенку.

— Щеночек... — улыбнулась она.

— Элька, это наш щенок теперь. Правда красивый? Я его из речки спас. Он тонул, а я его спас.

Эля картавила.

— Милаш. Милашек, — сказала она, глядя щенка.

— Мираш? Мам, давай его Мирашом назовём? Элька сама придумала.

— О Боже! Как же так?

Маму душили слёзы. Она отвернулась к окну и теснее прижала дочку к себе.

В тот же день Скорая помощь забрала Элю в больницу. До этого у девочки случались обмороки, которые врачи так и не смогли объяснить, но паралич ног случился впервые. И опять анализы и всевозможные обследования так и не выявили причину странной болезни.

Через несколько дней Элю выписали. Пока папа с дочкой на руках дожидался в коридоре, мама разговаривала с врачом в кабинете.

Терапевт Виктор Васильевич долго молчал и хмурился.

— Видите ли... понимаете, Екатерина Александровна,

окончательный диагноз пока ставить рано... — будто взвешивая каждое слово, говорил он. — Необходимо более детальное неврологическое обследование. В нашей больнице нет нужного оборудования. Возможности наши сильно ограничены. Если хотите, можно отправить девочку в Москву. Буду с вами откровенен: есть подозрение на амиотрофический склероз.

— Это ведь паралич? — задушено спросила мама.

— Да, мне очень жаль. К сожалению, эффективного лечения не существует. — О, Господи! — воскликнула мама и, закрыв лицо ладошками, заплакала.

— Диагноз неокончательный, Екатерина Александровна, — словно извиняясь, говорил врач. — Амиотрофический склероз редко бывает у детей. Обморок тоже нетипичный симптом. Понимаете, при этом заболевании повреждение нейронов происходит постепенно, не заметно для пациента, пока не наступает паралич.

— Как же так? Почему?

— Но у девочки картина несколько другая. Что-то провоцирует внезапную гибель нейронов. Это и приводит к потере сознания. Если мы узнаем, что это, болезнь можно будет остановить.

Такой вот страшный удар. Мама не могла говорить, но папа и так всё понял. Когда они выходили из больницы, с девочкой опять случился обморок. Она вдруг закричала:

— Папа! Мамочка! — и глаза её наполнились ужасом.

— Что? Что, солнышко? — хором спросили мама с папой.

Замерев, девочка отрешённо смотрела широко открытыми глазами. Перед её взором вдруг ясно открылась видение. Какой-то охотник выцеливал в оптический прицел карабина красивого марала с большими ветвистыми рогами. Он безмятежно кормился на солнечном косогоре молодой весенней травкой. На горизонте появилась свинцовая грозовая туча, и подул резкий ветер. Олень поднял голову, прянул ушами и посмотрел в сторону тучи. В этот момент грянул выстрел. Марал рухнул замертво — Эля вскрикнула и потеряла сознание.

— О Боже! Доченька моя! — заплакала мама.

Папа отвернулся, заслоняя дочку от сильного порывистого ветра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.